

"Киберы" сидели на балюстраде...

Рассказ о школе, в которой свободный дух победил все малоэффективные стандарты

 Леонид Григорьев

Об авторе: Леонид Маркович Григорьев – выпускник экономического факультета МГУ, один из создателей ЭМШ.

Тэги: общество, социология, молодежь, образование, школа

Да поумнеет всяк сюда входящий.

Сегодня мне странно осознавать, что я буду рассказывать не только об Экономико-математической школе МГУ, но одновременно и об одной из самых старых неправительственных организаций страны. Кто бы сказал нам об этом тогда, в 1967-м, – мы бы расхохотались.

Но так вышло, что 50-летний юбилей ЭМШ – это еще 50 лет бесплатной учебы и преподавания; 50 лет студенческого самоуправления; около 3 тыс. выпускников-школьников и студентов-преподавателей... К тому же ЭМШ зарегистрирована в Брюсселе как самый старый «Детский университет» Европы.

Общество «блуждающих бандитов»

...Это был октябрь 1967 года. Мы сидели на совете факультетского научно-студенческого общества. Я был на пятом курсе, на третьем был Леня Гребнев, Рустем Нуреев – на первом (он учился на политэкономии, но перед этим окончил школу с сильным математическим уклоном). Гребнев познакомил меня с Володией Лабком, который стал первым председателем совета ЭМШ.

По-моему, первое слово про такую школу на том заседании произнес Рустем Нуреев.

Но моему тезке – Лене Гребневу – вспоминается еще более раннее рождение идеи. Несколько «киберов» той же осенью сидели на балюстраде. Это такое большое внутреннее пространство под стеклянным куполом на нынешней Моховой. Там, где сейчас журфак, а перед ним памятник «Ломоносов сидящий».

И вот кто-то, скорее всего Володя Лабок, сказал: «Как жаль, что школьники даже не догадываются, какая это интересная наука – экономика, особенно с применением математических методов». Отсюда вскоре и пошло название – Экономико-математическая школа, ЭМШ.

Гребнев вроде бы ответил: «А почему бы нам по примеру того же мехмата, физфака (куда он и сам ходил какое-то время) не начать самим знакомить школьников с тем, чему нас учат?»

За «киберами» стоял опыт математических школ в Москве, поэтому на кибернетике училось много выпускников таких школ. От них пришла главная идея: школа, а не набор кружков!

Мой опыт включал реальное знание устройства средней школы и довольно значительный опыт преподавания факультативов в такой школе. У меня дед был преподавателем математики в гимназии Архангельска, а мама – заслуженным учителем школы РСФСР по русскому и литературе.

Так что первая группа людей, которая начала заниматься ЭМШ, и первый состав совета сформировался осенью уже 1968 года: Дмитрий («Димон») Мельников, Володя Лабок, «Ленечка» Гребнев (в 1968 году весна – все трое из одной группы «киберов» с третьего курса) и я (пятый курс политэкономии, но мы были ровесники).

Это была фактически группа самозванцев, оформивших себя вполне по Мансуру Олсону – из «блуждающих бандитов» в «стационарные». Осенью 1968-го (уже после первых вступительных экзаменов) утвердили Положение об ЭМШ, состав совета и Предметной комиссии.

Это был чистой воды самозахват территории или создание сферы самостоятельной деятельности: мы просто объявили себя руководством организации, никто не сопротивлялся... некому было сопротивляться. После чего возникли вопросы: что делать? Где и как организовать? Легко ли найти жертв в виде детей, которых можно было чему-нибудь обучить?

Но при этом мы никого не подвели – в первые годы не было никаких эксцессов, и все на факультете, в университете и в городе к ЭМШ привыкли. Это все происходило, когда рядом были и кафедры, и деканат, и партком, и комитет комсомола.

Если бы нас чем-то «доставали», тогда было бы больше разочарованных, несчастных, эмигрировавших. Так что первый социальный урок ЭМШ – не мешайте студентам быть молодыми и делать что-то по-своему. Это в перспективе полезно обществу, выгодно государству. Чем больше молодежи находит себе применение (а не строим на собрание) в гражданской активности, тем прочнее страна.

Надо отдать должное профессуре и деканату экономического факультета МГУ. Тогда они с большой симпатией, хотя и не без опаски, дали нам похозяйничать. Первым председателем совета был Володя Лабок, ровесник и третьекурсник отделения кибернетики. Он был человеком большого обаяния, таланта и твердого характера – основная часть базисных идей, лежащих в основе ЭМШ, принадлежала ему. Это был наш замысел: в 1968 году председателем совета стал студент-кибернетик четвертого курса.

Потом два года мы ходили с Лабком как сиамские близнецы, обсуждая до мелочей все нюансы затеи. Счастье длилось до октября 1969 года, когда на пятом курсе он умер от тяжелой болезни. Это была для нас страшная потеря.

До Москвы он жил на Кубани, где его отец служил офицером. Это мы от Володи узнали о расстреле рабочих в Новочеркасске. Это он пытался на первом курсе организовать кружок по изучению «подлинного марксизма». Он писал курсовые у Владимира Ивановича Данилова-Данильяна и экспериментировал с кибернетикой и теорией развития.

Повторить неповторимое

Меня не раз спрашивали уважаемые люди, нельзя ли повторить тот эксперимент в другом месте.

Наверное, можно. Всегда найдутся студенты, готовые поделиться временем и знаниями со школьниками, не дожидаясь получения степеней и должностей. Но есть минимум три условия, которые очень трудно соблюсти.

Во-первых, нужно единство пространства и времени – как в театре. Школьники, студенты должны приходиться в одно и то же место с 17.00 до 20.00 в постоянные дни. Школьников должны пускать в здание без большой мороки, и кто-то обязан встречать, учить и информировать. С Интернетом и айфонами стало легче, но мы-то справились с этими функциями и в эпоху стационарных телефонов. А еще нам страшно повезло – мы учились, как я уже сказал, на Моховой. Там даже не одна, две балюстрады для прогулок с друзьями и преподавателями.

Это не ошибка – в те времена у профессоров еще находилось время походить несколько кругов со студентом и поговорить. Я сам продолжаю по привычке разговаривать (несмотря на переписку по e-мейлу) со студентами, что многих теперь удивляет. Но в ЭМШ это всегда было и есть нормально – поговорить, независимо от разницы в возрасте и обремененности формальными статусами.

Как в советские, так и в постсоветские времена в ЭМШ учились три типа умных детей. Самая типичная группа – очень способные мальчики и девочки, которые переросли свой класс и программу обычной школы. Тогда это было окно в мир, сейчас – это глоток воздуха вне ЕГЭ. Другой тип – это ребята из математических и языковых школ – те, кто не хотел идти в чистую математику и языковые вузы. Эти выбирали наиболее полезное применение того, что дала школа.

Наконец, к нам шли мальчики и девочки, которых направляли родители, уверенные, что такой капитал любимому чаду надо накапливать заранее.

По социальному происхождению (типу семей) – тогда и теперь – «номенклатуры» («больших денег» теперь) было мало. Очень заметны были дети среднего класса – учителей, военных, инженеров – и потомки академической профессуры с различных факультетов МГУ и даже из РАН.

Все вместе образовывало «плавильный котел» для школьников с интересом к социально-экономическим наукам и МГУ как явлению. Примерно то же самое и теперь – масса замечательных одиночек из разных школ, хотя бывают и компании в несколько человек.

Во-вторых, у студентов и школьников должно быть хоть какое-то свободное время для своих занятий и саморазвития. Сейчас с этим труднее и труднее. Школьники обреченно зубрят «на ЕГЭ», ходят на подготовительные курсы и прочее. Стали они страшно одинаковыми – два года зубрежки одинаковых заданий.

Руководивший школой в 80-х Александр Аузан: «В то время задачи, мне кажется, были попроще...» Фото со страницы ЭМШ в «ВКонтакте»

Я даже придумываю способы обучения первокурсников, чтобы помочь сохранить и вернуть им природное разнообразие. Студенты ничем не хуже тигров или орлов – их тоже надо охранять.

ЭМШ в этом смысле держится хорошо, спасибо репутации, отбору сильнейших и хорошей обстановке, отличающей ее от многих школ. Студентам становится все тяжелее – некогда и перегрузка контрольными и тестами.

В те времена студенты начинали вести семинары у школьников на втором курсе после более взрослых лекторов. А с третьего до середины пятого курса они могли какое-то время отдать и организационной работе.

Сейчас Болонская система с ее четырехлетним бакалавриатом ускорила ротацию преподавателей и администрации школы – стабильность поддерживать трудно, а заново создавать еще тяжелее.

Но ЭМШ адаптировалась, создав различные дополнительные институты перестраховки со стороны «стариков», которыми именуются, по сути, все, кто уже окончил МГУ. В 1970-х годах мне пришлось страховать переходы власти в ЭМШ, подыскивать перспективных администраторов. В 1980-х этим занимался Александр Аузан, затем пришли другие способные к этой работе люди. Тот же Вадим Красков, неутомимо занятый школой уже более 20 лет.

И, наконец, в-третьих – это должно быть настоящее самоуправление, а не исполнение функций по работе с молодежью. Любой деканат может создать курсы для школьников по своей проблематике, дав ставку преподавателя и прибавив немного энтузиазма студентов. Но только социальное творчество, определенные степени свободы принятия решений, участия, выбора занятий делает «курсы» живым коллективом.

В эпоху тотального наступления мониторинга на преподавание и контроля на качество это очень тяжело. Кстати, опыт организации работы бесплатной, но свободной кует кадры, легко справляющиеся потом с любой деятельностью, за которую платят. Этого феномена нет в учебниках эффективного менеджмента. В том числе и потому, что чистые менеджеры в принципе не могут руководить собственно творческой деятельностью, поскольку не могут сами создать что-то новое и отличить бойкого ученика от талантливой.

Это оказалось возможным в МГУ в советские времена – не уверен, что в условиях бюрократизации это возможно сейчас, хотя надеюсь.

«Вертикальная тусовка»

Из трех основных условий проистекает немало иных последствий, которые страшно важны! Всякая длительно существующая организация начинает при удаче напоминать английский газон, и ЭМШ, как известно, после многолетней стрижки обросла неформальными традициями. Каждый год в июне здесь принято выезжать играть в волейбол. А в августе – коллективный выезд на интенсивную математическую подготовку.

На Татьянин день в ЭМШ Новый год. Уже лет 20 в школе проходит игра «Что? Где? Когда?» с участием 15 команд – это почти 130 энтузиастов. Приезжают известные лекторы, проходят вечера поэзии и т.д. В нынешнем году прошел уже 29-й подряд чемпионат КВН.

Так полезная социальная работа по образованию и привлечению толковых студентов в течение 50 лет привела к тому, что в школе образовались династии.

Для многих, кто работает в самых разных местах и отраслях, ЭМШ остается той компанией, в которой ты всегда свой и тебе всегда рады.

Можно сказать, что получилась этакая «вертикальная тусовка», где чины не имеют значения. У нас нет снобизма: учился ты или преподавал – какая разница! Любопытно, что большинство выпускников осталось в профессии экономиста. А вот политиков или даже бизнесменов немного. Но еще важнее – очень маленькая эмиграция, – люди нашли себе дело в России, несмотря на всю тяжесть прожитого времени. За рубежом у нас есть около двух десятков профессоров, которые, однако, связи не теряют, приезжают и даже читают лекции.

Кстати, есть уже поколение, которое пришло в МГУ в 15 лет и достойно ушло на пенсию, «не выходя, однако, из ЭМШ»...

Что учили и чему научили

Мы старались, конечно, показать, что учим Карла Маркса – самый интересный первый том «Капитала», где есть над чем подумать. Но одновременно мы учились по фон Нейману и У. Эшби – кибернетике, математике задолго до того, как начался процесс перехода от бесконечной умозрительной политэкономии к реальной рыночной практике и теории.

Утверждая программы у Предметной комиссии из представителей двух кафедр: политэкономии и кибернетики, мы обеспечивали легитимизацию гражданской активности в ее содержательной части. Так к старой доброй советской школе добавлялся, по сути дела, элемент вариативности.

Наши школьники всегда хорошо поступали в вузы, так что в советские времена у нас бывало до 10% набора на факультет из ЭМШ – это тоже важный элемент устойчивости.

Я читал шуточно-адаптационную лекцию, как сдавать экзамены, так что мы снимали стрессы в старые времена. Сейчас ЭМШ очень заметна во Всероссийских олимпиадах – немного проигрывает всей остальной стране.

То есть свою роль профориентации ЭМШ всегда осуществляла хорошо, но сильно переросла ее – особенно для тех, кто преподавал в ЭМШ и врос в компанию, жил ее событиями.

Выпуская школьников, ЭМШ невольно поспособствовала подготовке научных кадров. Опыт преподавания, эффективная организация процесса учебы не проходят бесследно. Из школы вышла масса профессоров и докторов наук. Интересные связи сложились у академика Павла Минакира и члена-корреспондента РАН Владимира Автономова: когда-то первый студентом учил второго, когда тот был школьником.

Из ЭМШ вышло несколько министров, но очень мало политиков. Из нее вышли Андрей Окуньков, лауреат премии Филдса по математике и выдающийся историк Андрей Полетаев. В ЭМШ училась дюжина ординарных (то есть «вечных») профессоров «Вышки» по экономике.

В 1980-х годах ЭМШ «тащил» Александр Аузан – теперь декан экономического факультета МГУ. Директором ЭМШ был и Ярослав Кузьминов, ректор НИУ ВШЭ. А уж сколько замдеканов – боюсь сбиться со счета.

Так что самые академические университеты находятся в попечительстве людей, которые потратили годы на студентов и школьников и сами прошли все роли задолго до того, как стали у руля образования. В СССР выбор работы экономистами был невелик: МГУ, Академия, Госплан.

С началом трансформации все поменялось. И главная загадка – как ЭМШ ухитрилась выжить в 1990-е, когда наука стала бедной и не особо престижной, когда бизнес и большие деньги должны были бы вытеснить «длительную безвозмездную деятельность на благо чужих детей»! Но эпоха пришла жадная, горизонты короткие, а ЭМШ выжила. Прежде всего это объясняется тем, что она основана на принципах, которые не меняются с политической конъюнктурой. А это:

- неистребимая любознательность тинейджеров;
- беспокойство родителей за будущее детей;
- неутомимость студентов ради дела и победы;
- порядочность и приверженность своему делу профессуры МГУ;
- хорошая человеческая компания внутри самой ЭМШ;
- старики ЭМШ, которые включаются в дело в любой момент.

С 1990-х годов ЭМШ приспособилась к новым программам и к новым методам обучения. В конце концов, всякое обучение – сложное взаимодействие между учителем и учеником. И чем теплее отношения, чем активнее и веселее – тем устойчивее жизнь, тем больше и дольше можно сопротивляться кризисам, неумным реформам и торжеству бюрократии.

В ЭМШ удалось создать систему подходов (вслед за математиками) при минимальной бюрократии (и при уважении к средней школе) к продвинутому гуманитарному образованию для тех школьников, кто перерос или был готов перерасти программы школы.

Влияние ЭМШ на науку и преподавание понятно: наши люди в науке и университетах и в консалтинге – верхний средний класс. Оказалось, что можно и в условиях фрагментации общества удержать сформированную большую компанию интеллектуального класса – создать эпос и традиции на научно-образовательной основе в условиях общенациональной трансформации, кризиса и социального хаоса. Влияние ЭМШ на социальную среду в науке и образовании в Москве за 50 лет трудно четко измерить, но качественно можно сформулировать: порядочность в личных отношениях, разумное бескорыстие, минимум транзакционных издержек управления, высокие стандарты трудовой и профессиональной этики, демократические отношения между старшими и младшими.